

В. Н. Шердаков

О ГЛАВНОМ В ПОНИМАНИИ РЕЛИГИИ

Статья С. А. Токарева¹ касается важных сторон общей теории религии; при этом в ней критически затрагивается ряд позиций, с которых выступали и выступают многие наши ученые. В статье содержится идея переориентации исследований в области религиоведения и указывается тот угол зрения, под которым, по мнению автора, можно правильно увидеть существенное содержание каждой религии, ее историческое место в общей эволюции религиозного сознания.

Вначале С. А. Токарев обращает наше внимание на тот в общем известный, но мало осмысляемый факт, что религиозные верования масс всегда отличались от вероучения, каким оно предстает в канонах. Рядовые верующие, как правило, плохо разбираются в мифологии, догматике, в таинствах, а то, что они знают, часто преломляется в их сознании весьма существенным образом.

Бесспорно также и то, что религия не сводится к мифологии, догматике, религиозным представлениям. Религия — это прежде всего вера, сложный комплекс переживаний, включающий в себя определенные жизненные установки, императивы, особым образом сформированное чувство ценности (не только моральной, но и эстетической).

Наконец, в отличие от какого-либо учения, в том числе и от собственного вероучения, религия не может существовать без верующих. Она реальна только в массовом сознании. Заметим на будущее, что в объединении людей едиными узами веры состоит одна из важнейших и существенных характеристик религии как таковой. Из сопоставления этих простых фактов казалось бы непреложно вытекает вывод, что определить сам феномен какой-либо религии — значить изучить то, чем она является для верующих. Сделать это только по священным книгам и богословским трудам невозможно. Нельзя этого сделать и путем выделения из мифологии и догматики тех общих положений, которые «осели» в головах людей, и путем установления того, как эти положения деформировались. Дело не только в представлениях. Религия, как уже говорилось, нечто большее.

С. А. Токарев пишет: «Для научного познания религии и ее истории важнее всего не изучение имен богов и героев, не мифологические рассказы о них, не описание культовых обрядов, хотя бы и самое подробное, даже не догматическое содержание той или иной религиозной системы. Нет, важнее всего исторически изучить социальную функцию данной религии (и вообще всякой религии) как одного из социальных признаков, отделяющих одну группу людей от другой» (с. 97). Отложим на время вопрос о том, что С. А. Токарев считает «важнее всего».

¹ С. А. Токарев. О религии как социальном явлении (мысли этнографа). — «Сов. этнография», 1979, № 3 (в дальнейшем ссылки на эту статью даются в тексте).

Предвидя возражения, С. А. Токарев сразу же оговаривается: «Это не значит, конечно, что нам не надо изучать содержание религиозных верований. Их изучать нужно, но не следует считать это главной целью исследования». Разумеется, то, что перечисляет С. А. Токарев (имена богов, мифы и пр.), относится к религии как к феномену, явлению, главная же цель научного исследования состоит в постижении сущности. Но может быть сделано и такое возражение: «Вера в сверхъестественное всегда считалась отличительным признаком религии. С Вашей же точки зрения, это не главное». Здесь есть предмет для разговора. Вера в сверхъестественное (именно вера, а не сами по себе фантастические образы) есть, конечно, отличительный признак религии. Следует, однако, заметить, что богостроительство, светские религии, проекты религий Фейербаха и Конта, теологии «мертвого бога», «безрелигиозного христианства» и т. п. под этот признак не подходят, хотя другими своими атрибутами соответствуют религии или религиозному учению. Почему же мы говорим, что различие между богостроительством, отрицающим сверхъестественное, богоискательством и другими религиозными учениями не принципиально, что одно отличается от другого не больше, чем черт одной масти от черта другой масти? Что делает их такими близкими? Решить этот вопрос можно лишь в том случае, если мы выйдем за пределы узкого и абстрактного понимания религии как просто веры в вымышленный сверхъестественный мир.

Уже Л. Фейербах убедительно показал, что религиозные представления — не беспочвенная выдумка, а своеобразное отображение земной основы, каковая и есть главный предмет анализа тех или иных верований. По религиозным представлениям нужно судить о земной жизни. Главное содержание религии — это человеческий мир и человеческие отношения. Марксизм считает и этот подход к религии ограниченным. Нужно выводить религиозные представления из тех социальных условий, которые с необходимостью их порождают. Самоотчуждение земной основы может быть понято лишь как результат ее противоречивости. Борьба с религией, стало быть, это борьба за социальные преобразования. Бог — не пустая фикция, это сама «земная основа», которая «отделяет себя от самое себя и переносит себя на облака как некое самостоятельное царство»². В этом смысле религиозные идеи и представления наполнены реальным, исторически обусловленным содержанием. Идея бога с необходимостью присутствует в феноменологическом поле общественного и индивидуального сознания огромного периода человеческой истории. Человек находил эту идею в сфере общественного сознания и она получала дальнейшее развитие в опыте его мироощущения и мироотношения. Сводить всю историю религиозного сознания к интериоризации определенных идей — неправильно; религиозные идеи рождались в массовом сознании, отражая реалии общественной жизни.

«Бога нет и говорить о нем глупо», — емко высказал идею здравого смысла русский вельможа XVIII в. У Ф. М. Достоевского в романе «Бесы» капитан, наслушавшись разговоров нигилистов об атеизме, развел руками: «Если бога нет, то какой же я после того капитан?» Этот капитан все же связал бытие бога со своим миропониманием и смыслом существования. Тот атеизм, который ограничивается отрицанием бога и потустороннего мира как пустых фикций, фантазии, выдумки, пуст, как пуста была бы и вера в бога, не связанная с определенным пониманием жизни. Бог в известном смысле — самая реальная сила. Во всей истории человечества трудно было бы найти другую столь же действенную идею, которая по продолжительности и силе воздействия могла бы сравниться с идеей бога. Идея бога объективна в том смысле, что причины, вызвавшие ее к жизни и ее поддерживающие («богообразующие

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, с. 2.

силы»), не зависели от произвола людей. Просветительский взгляд на вещи останавливается на констатации того положения, что вера в несуществующего бога — главный отличительный признак религии, и сводит свою задачу к опровержению идеи сверхъестественного мира как вредной и беспочвенной выдумки. В этом пункте «здравый смысл» просветительского подхода к религии как бы принимает на веру убеждение самих верующих, что идея бога — основная и самоценная идея религии. Для марксиста же главное состоит в том, что идея бога является производной от ее социальной функции. Не люди служат несуществующему богу, а боги служат людям, их потребностям и интересам. Иначе религия была бы просто сказкой, бредовым вымыслом. Такой она и предстает, когда ее изучение сводят к изучению имен богов или духов, мифологических рассказов и т. п. Спешу оговориться, однако, что в самом общем и абстрактном смысле, конечно, прав вельможа, отрицающий существование бога, как прав и Остап Бендер в известном споре с ксендзами.

Главная идея С. А. Токарева, как представляется, состоит в том, что в религии надо видеть силу, объединяющую людей общей верой в бога и в потусторонний мир (иногда и другим способом) и дающую им определенные жизненные установки. Эти установки и характер объединения в разных религиях были разными, зависящими от условий жизни. Ведь из самой по себе идеи бога нельзя еще вывести конкретного мировосприятия и жизнепонимания. Религия обслуживала совершенно разные общества, но функция сплочения, объединения людей (и одновременно их противопоставления иноверцам) связана с самой сущностью религиозной веры. В самой природе религиозной веры заключено стремление не только верить самому, но и заставить верить в это же самое и других.

Хорошо известно, как это стремление проявлялось в истории. Нетрудно понять, что утешительно-компенсаторная функция религии психологически невозможна без общности веры. Объединительно-разделительная природа веры иногда обнажается в высшей степени рельефно, затеняя собой содержание вероучения. «Мы мусульмане», «мы крещенные» — так говорили и говорят многие, имея в виду не символы веры, а лишь метаэтническую общность; так могут говорить и те, кто не верит ни в Христа, ни в Аллаха. Известно также, что переход от одной исторической эпохи к другой всегда сопровождался и изменением религии, что государство в особенности нуждалось в объединении людей религиозными узами.

В статье С. А. Токарева рассматривается также вопрос о том, каким образом происходит объединение людей в религиозную общность. Это достигалось интерпретацией проблем жизни, объяснением причин зла и рецептами борьбы с ним. «На протяжении всей истории религиозных вероучений, — пишет С. А. Токарев, — они, несмотря на крайнее разнообразие форм верований, религиозно-мифологических образов, в сущности решали одну большую проблему: откуда зло и страдания в жизни людей и как от них избавиться? Ответы давались разные..., но это были ответы на один и тот же вопрос» (с. 95). Как видим, и здесь сами по себе образы сверхъестественного мира играли подчиненную роль, служили средством выражения определенных земных целей, ценностных ориентаций.

«Главное в этом содержании (содержании религиозных представлений. — В. Ш.) — не имена богов и не богословские учения об их свойствах и взаимоотношениях, — подчеркивает С. А. Токарев, — и не идеи об отношении человека к богу, а то, какой ответ дает та или иная религия на вопрос о происхождении зла в человеческой жизни» (с. 92).

В том, что указанный вопрос является главным для христианства и других мировых религий, сомневаться не приходится. Христианство по-

явилось не как новое учение о мире (мифология осталась в основном ветхозаветная), а как новое учение о жизни. Смысл и дух новозаветного учения носит ярко выраженный этический характер. Мы имеем в виду не только прямые моральные поучения Христа, «Нагорную проповедь», притчи, но и сам образ «сына человеческого», евангельские жизнеописания Христа. В. И. Ленин, выражая свое согласие с Л. Фейербахом, заметил, что «христианство из морали сделало бога, создало *морального бога*»³. Этическими часто и не без основания называют и другие мировые религии. Буддизм, как известно, возникал как нравственное учение; фантастические образы, таинства и другие атрибуты появились в нем уже позднее.

Казалось бы, с этим все ясно. Однако нередко в нашей атеистической литературе утверждается, что нравственное учение христианства производно от его догматики; главное — это догматика, религиозные же моральные поучения выводятся из догматических представлений, частично же — заимствуются из арсенала общечеловеческих ценностей. Постараемся показать ошибочность этих распространенных представлений. Богослов может пытаться выводить нравственность из догм. Это верно. Но нельзя отрицать, что евангельское нравственное учение порождено определенными условиями жизни и возникло, как известно, значительно раньше, чем догматическое учение. Догматика появилась тогда, когда религия уже существовала, она должна была теоретически обосновать сложившуюся религию, защитить ее и от внешних нападков со стороны философской критики и от уже появившихся внутренних сомнений. Моральный смысл христианства, составляющий его суть, нельзя вывести из догм и мифов. Напротив, догмы и мифы были переосмыслены и согласованы с нравственным умонастроением, выразившимся в новозаветных сочинениях.

Далеко не все теологи выводят нравственное богословие (если говорить уже о богословии, продукте более позднем) из догматического. Православные мыслители часто называют нравственное и догматическое богословие «сестрами», многие же протестантские — нравственному смыслу христианства придают первенствующее значение. О кантовском понимании бога, бессмертия души и воздаяния как постулатов практического разума и говорить нечего, хотя стоит заметить, что идеи Канта широко используются современным богословием и не только протестантского направления.

Ф. М. Достоевский видел в религии способ различения добра и зла, присущий тому или иному народу и не подвластный научному, разумному подходу. Выражая мысль, близкую автору, герой романа «Бесы» говорит: «Народы слагаются и движутся силою иною (т. е. не разумом и наукой. — В. Ш.), повелевающею и господствующею, но происхождение которой неизвестно и необъяснимо... „Искание бога“ — так называю я всего проще... Никогда не было еще народа без религии, то есть без понятия о зле и добре»⁴.

Л. Н. Толстой называл религиозный вопрос главным вопросом для каждого человека, ибо «религия есть не что иное, как ответ на вопрос о смысле жизни»⁵.

Ответить, чем является религия для массы рядовых верующих, следует таким образом: религия, церковь в их глазах выступают в первую очередь наставниками в жизни, в вопросах совести, нравах и т. д., а затем уже в роли разъяснителей вопросов о мироустройстве. Последняя функция, некогда значительная, в настоящее время практически свернута и отживает, тем не менее религия продолжает существовать и претендует именно на роль охранительницы нравственных ценностей.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, с. 54.

⁴ Ф. М. Достоевский. Соч., в. 10, М., 1957, т. 7, с. 265—266.

⁵ Л. Н. Толстой. О смысле жизни. СПб., 1906, с. 5.

Но, как считают некоторые авторы, собственно религиозные нормы нужно отличать от тех, которые являются простым заимствованием из арсенала общенародных ценностей, порожденных вовсе не религиозным сознанием. Одно дело — понятия ада, рая, милосердного и карающего бога, первородного греха, извечной вины и т. д.; другое же — наставления о любви, помощи ближнему, уважении к родителям и т. д. Первые выведены из идеи бога, во вторых нет ничего религиозного, их земное происхождение совершенно очевидно.

Подобные рассуждения широко распространены и в них следует разбираться. Прежде всего заметим, что земное происхождение и земной смысл имеют как первые, так и вторые нормы и представления. Разделить их по этому признаку просто нельзя, хотя некоторые авторы и отыскивают основания, например, для того, чтобы заповедь любви к ближнему отнести к «нерелигиозным», «заимствованным», а заповедь прощения и любви к врагам — к «собственно религиозным». Все, вплоть до самых фантастических, представлений религии порождены условиями земной жизни. Только для верующего человека заповеди вытекают из велений бога. На самом же деле они рождены «землей», отражают «мирские» дела и заботы и только лишь потом приписаны богу.

Заповеди не выведены и не могут быть логически выведены из религиозных идей и представлений самих по себе, хотя богословы и стараются изобразить дело подобным образом. Напротив, самые что ни на есть религиозные представления — ада, рая, греха и пр. — порождены определенной социальной психологией людей и наполнены земным моральным смыслом, который поэтому является первенствующим. Понятия ада и рая появились для выражения определенных идей нравственного характера, таким же выражением нравственной идеи является и образ милосердного и страдающего бога у христиан. Понятия первородного греха, вины отразили, несомненно, некие реалии нравственно-психологического плана — моральную расщепленность личности, противоречие между «умом и сердцем», должным и желаемым, «духом» и «плотью»⁶. Мифология и догматика христианства приспособлены для выражения определенного нравственного отношения к миру и представляют собой во многом моральную символику. Поэтому нравственное содержание религии — понятие более широкое, чем собственно нравственное учение религии: оно наполняет собой мифы, догмы, ритуалы, которые нельзя иначе понять и истолковать, кроме как путем постижения их нравственного смысла. Не случайно критике с позиций здравого смысла все понятия и образы религиозной фантазии представляются просто вздорными. Марксистский же подход к мифологии и догматике делает возможным постижение их смысла, и в силу этого их критика становится адекватной. Просветительская же критика часто вкладывает в вероучение иной смысл, чем сами верующие.

Надо заметить также, что при всей разрозненности заповедей в евангелиях, отсутствии системы в их изложении они все же очень цельно выражают основное моральное уmonoстроение. Заимствованные из предшествующих времен заповеди, наставления ассимилируются в этом уmonoстроении и приходят с ним в соответствие, нередко меняя при этом свой первоначальный смысл. Несомненно, что силы, вызвавшие к

⁶ В этом плане трудно согласиться с характеристикой С. А. Токаревым мифа о грехопадении как «весьма нескладного», а даваемых мифом объяснений как странных и абсурдных (с. 94). Этот, по оценке Гегеля, «великий миф человечества» таит в себе глубокий философско-этический смысл и аллегорически отразил очень важные моменты социальной практики. Именно благодаря тому, что он оказался способным давать объяснения, удовлетворявшие людей, сказка о первых людях смогла выжить и удержаться, тогда как многие другие мифы быстро утратили свое влияние. Подробнее об этом см.: В. Н. Шердаков. Социально-психологический анализ христианской морали. Л., 1974, с. 86—90.

жизни образы религиозной фантазии, и силы, определившие характер соответствующих им моральных поучений,— одного и того же порядка.

Против тезиса С. А. Токарева может быть высказано и такое возражение: хорошо, в христианстве и других мировых религиях дело обстоит, может быть, и так, ну а как обстояло дело в более ранних религиях, наконец, в доклассовом обществе, когда религиозный и нравственный элементы существовали порознь и из разных источников возникли?

Религии развитого классового общества, вне всякого сомнения, в своей основе несут уже ярко выраженный моральный смысл: они представляют собой различные варианты учений о «спасении», «избавлении». Их ориентация на указание пути к «спасению», «очищению» свидетельствует уже об их происхождении из условий неравенства и социального гнета⁷. Что же касается более ранних времен, то обстоятельный и глубокий ответ имеется в другой статье С. А. Токарева — «Проблемы общественного сознания доклассовой эпохи»⁸. Здесь С. А. Токаревым дана логически и фактически обоснованная критика распространенного тезиса о том, что вначале религиозные представления и мораль не были связаны между собой и существовали совершенно раздельно. Мнение о том, что представления о сверхъестественном были вначале совершенно лишены морального характера, в свое время обуславливалось влиянием эволюционистских концепций Э. Тейлора и Дж. Леббока, считавших, что возникновение религиозного комплекса начинается с анимистических воззрений дикаря, связь которых с нравственностью появляется только на поздней стадии развития. Весьма убедительно С. А. Токарев показывает, что религиозное обоснование было первой формой осознания людьми норм поведения. Конечно, речь идет не о порождении социальных норм поведения, возникающих из условий практической жизни, а именно о форме, в которой они начали осознаваться и обосновываться. Надо заметить при этом, что С. А. Токарев исходит из очень широкого определения морали, включая в нее и изначальные правила общежития. В литературе же по вопросам этики в последнее время все более утверждается мысль о том, что мораль в точном смысле слова возникла позднее и представляет особую форму социальной регуляции, предполагающую действие совести, различение добра и зла⁹. В таком случае вопрос о связи морали с религиозными представлениями хронологически отодвигается уже в значительно более позднюю эпоху и требует уточнений.

Ясно, однако, что эволюция религиозной морали неотделима от эволюции самой религии и составляла всегда ее существенную сторону. Вначале духи охраняли определенные порядки и требовали подчинения, но еще не были в полном смысле моральными законодателями, каким стал у древних евреев Яхве. Яхве — страж нравственности, но еще не олицетворение нравственного идеала, каким стал евангельский Христос. Из всемогущего и грозного владыки, не знающего ограничений, бог эволюционировал в нечто противоположное. Парадоксальный образ Христа — бога-человека, бога-жертвы, бога-страдальца, испытывавшего на себе всю тяжесть людской несправедливости, сам по себе говорит о том, в какой среде и в каких сердцах он мог зародиться. В последующем, в богословских и философских учениях и в обыденном религиозном сознании бог все более превращается в моральный символ, отождествляется с нравственным миропорядком, трансформируется, наконец, в моральный «икс», абстракцию, вопрос о реальности существования которой не имеет смысла и обсуждать. При этом любопытно отметить, что, отказываясь от идеи трансцендентного бога, именую свои воззрения «нетезизмом», «безрелигиозным христианством», «теологией мертвого бо-

⁷ См., напр., об этом: А. Донини. Идолы, люди и боги. М., 1962.

⁸ «Охотники, собиратели, рыболовы». Л., 1972.

⁹ См., напр., О. Г. Дробницкий. Понятие морали. М., 1974.

га», модернисты оставляют из христианства самое главное — его моральное учение. Конечно, они остаются при этом больше христианами, чем многие другие верующие. Ведь главное — не идея бога сама по себе, а весь комплекс чувств, привычек, норм, ценностей, связанных с этой идеей. Поэтому физики-деисты, признающие бога-творца, но не выводящие отсюда никаких идей нравственного порядка, могут оказаться в целом по своим убеждениям ближе к атеистам, чем сторонники «теологии мертвого бога».

Все эти рассуждения мы провели с целью показать, что принцип подхода к изучению религии, указанный С. А. Токаревым, является основополагающим в классификации религии и в установлении этапов ее эволюции. Он имеет большое значение для ориентации и программирования исследований в области религиоведения.

В статье высказано много и других интересных идей. Заслуживает, например, быть подчеркнутым особо утверждение о присутствии в религии сознательного обмана (с. 101). Марксистское религиоведение отвергло в целом концепцию обмана. Действительно, религия возникает не столько из сознательного обмана, сколько из самообмана, является не столько изобретением для народа, сколько изобретением самого народа. Однако же при всем этом зерно истины в теории обмана имеется. Основоположники марксизма немало говорили об обмане масс священниками. Момент интеллектуальной нечестности в принципе должен был присутствовать во всяком религиозном мифотворчестве.

Проблемы религии и атеизма осмысляются каждым поколением людей. Наша атеистическая наука, безусловно, последние десятилетиеполтора достигла заметных успехов и в настоящее время находится на подъеме. Труды нового поколения ученых-философов подняли уровень атеистической критики на новую ступень, освободили ее от многих односторонностей и недостатков. Тем приятнее сознавать, что новыми и важными идеями продолжает обогащать религиоведение и философию религии наш крупнейший ученый, представитель «старой школы», С. А. Токарев. Его труды занимают особое место в нашей науке, бесспорно, относятся к самому ценному из того, чем мы располагаем. Их основательность и глубина, как представляется, неразрывно соединены и, может быть, обусловлены теми качествами мышления, которые относятся к нравственным характеристикам познания. Нравственность и познание связаны между собой более тесно, чем это может показаться на первый взгляд. Помимо научной добросовестности, охраняющей науку от влияния на нее чуждых факторов (карьеризма, честолюбия, конъюнктурщины), от всякого рода поспешности и безответственности в выводах, помимо сознания моральной ответственности ученого за свои труды (а она чрезвычайно велика у исследователей религии, ибо дело касается убеждений, совести, иногда и судеб людей) — помимо всего этого есть еще та связь науки и нравственности, которая во многом предопределяет глубину самого проникновения в изучаемый предмет. Читая труды С. А. Токарева, я всегда удивляюсь их простоте — простоте мысли, простоте и беспретенциозности изложения. Кажется, что неспециалист не сможет должным образом оценить эту простоту. Только соизнавая всю сложность вопросов, понимаешь, что это та простота, о которой писал еще Лабрюйер, — самое простое выражение мысли, которое, казалось бы, должно было прийти в голову раньше всего, но приходит только в последнюю очередь.

ON THE BASIC IDEAS IN COMPREHENDING RELIGION

The author stresses the fundamental importance of the propositions formulated in S. A. Tokarev's paper («Sovetskaya Etnografiya», 1979, No. 3) for a reorientation of research in the field of religion. Singling out the belief in the supernatural as the main di-

stinguishing feature of religion is typical of the criticism of religion from the standpoint of enlightenment; such criticism aims at pointing out the fictitious, imaginary character of the objects of religious belief. For the Marxist, on the other hand, the most important point is that the ideas of God, hell, heaven, sin, etc. are derived from their social function. It is only from this angle that it becomes possible to uncover the meaning and the real content of religious concepts.

Religion, as distinct from any one particular doctrine (including a religious one), has its only reality in mass consciousness. Its basic feature consists in people being joined together by the links of a common faith. This is attained through orienting people towards particular values, pointing out evil and ways of escaping it. It is an error to consider the moral teaching of religion as being derived from its system of tenets. To think this would be to conform to the logic of theology. On the contrary, the dogmas, the myths, the rituals are themselves brought into being by the moral sense of the people, they are filled with a moral content and evolve with the evolution of morality. It is also erroneous to classify religious commandments into strictly religious ones and those borrowed by religion from people's life because both the former and the latter are equally engendered by earthly conditions and the circumstances of human life.

In conclusion the author of the commentary expresses his high appreciation of S. A. Tokarev's writings as being the most profound and important in contemporary Soviet studies of religion and its philosophical comprehension; he stresses the great role played by these studies in educating new generations of scientists.